

СТАВЛЮ видеокассету, смотрю «Дело Румянцева». А потом — «Девять дней одного года». А потом — «Летят журавли». А еще: «Дама с собачкой», «Дорогой мой человек». «Мать». «Живой труп». «Бег». «Три толстяка».

Замечательный список! И в каждом фильме — Алексей Баталов.

Я принадлежу к поколению, молодость которого пришла на первые послесталинские годы, на год 1956-й, на ту, еще первую, столь трагически для страны обернувшуюся ничем перестройку. И нашим «Чапаевым» было «Дело Румянцева» Иосифа Хейфица и Алексея Баталова. Да, я не преувеличиваю. Ибо, во всяком случае, другой подобной картины не помню.

Впрочем, чуть раньше была «Большая семья», тоже необычно смелый по тем временам, широкий, человечный фильм. Первый фильм Алексея Баталова. Там он выделился и вышел в герои. Рабочий парень Алексей Журбин, такой уверенный и благородный, младший в могучей рабочей династии, крепкий и защищенный, вдруг испытывал тяжкую безответную любовь, измену, шел поперек семьи и морали.

Слава богу, «рабочих паренков» советский кинематограф перебрал немало. И были выдающиеся роли — вспомним Н. Крючкова, Б. Чиркова, Б. Андреева, П. Алейникова, Н. Рыбникова, который начинал вместе с Баталовым и сыграл тогда же «Весну на Заречной улице» и «Высоту». Каждый из этих артистов обладал своей индивидуальностью, выражал свое время, каждый пользовался огромной и заслуженной популярностью.

Чем же отличился от всех выделился в своей первой роли Алексей Баталов? Почему мы, старшеклассники и студенты, приняли клепаля Журбина и шофера Румянцева как своих героев? Он был не так прост, этот новый герой. Он ни за что, кажется, не боролся, никуда не призывал, не стрелял, не уиывал, — потом, когда он станет Борисом Бороздиным в «Летят журавли», он скромно уйдет на фронт и погибнет не в героическом бою, а в осеннем болоте от шальной пули, то есть тоже кажется, не боролся, никуда не призывал, не стрелял, не уиывал, — потом, когда он станет Борисом Бороздиным в «Летят журавли», он скромно уйдет на фронт и погибнет не в героическом бою, а в осеннем болоте от шальной пули, то есть тоже

кажется, не боролся, никуда не призывал, не стрелял, не уиывал, — потом, когда он станет Борисом Бороздиным в «Летят журавли», он скромно уйдет на фронт и погибнет не в героическом бою, а в осеннем болоте от шальной пули, то есть тоже кажется, не боролся, никуда не призывал, не стрелял, не уиывал, — потом, когда он станет Борисом Бороздиным в «Летят журавли», он скромно уйдет на фронт и погибнет не в героическом бою, а в осеннем болоте от шальной пули, то есть тоже

кажется, не боролся, никуда не призывал, не стрелял, не уиывал, — потом, когда он станет Борисом Бороздиным в «Летят журавли», он скромно уйдет на фронт и погибнет не в героическом бою, а в осеннем болоте от шальной пули, то есть тоже

пора о них напомнить. Более того, в паренке таилась подлинная интеллигентность. Какой-то вопрос. Какая-то печаль.

Прошу простить, но тут мне придется сделать два отступления.

Первое. Сегодня мы в достаточно полной мере раскрыли глаза на свою историю и увидели, откуда что взялось, что мы обрели и что потеряли. Опустим, как теперь говорят, комплиментарную часть, и обратимся к потерям. Конечно, они чудовищны. И в конце концов —

Второе. Совсем недавно мы вновь посмотрели по телевидению трилогию Тенгиза Абуладзе: «Мольба», «Древо желаний», «Покаяние». Вопреки расхожему мнению о бедности нашего искусства, трилогия эта, напротив, есть показатель, как кино, литература и театр в последнее время мощно атаковали нашего совоем было сникшего читателя и зрителя, — он получил блюда, о каких и думать забыл. А тут все опять надо самим: пробовать, жевать, определять — вкусно, невкусно.

Писатель Юрий Герман и режиссер Иосиф Хейфиц люди высокого ума и таланта, несомненно принадлежали к тем, кто раньше многих генерировал прогрессивные идеи своего времени. Сказать правду — больше настоящему художнику ничего не нужно. Искусство априори или правдиво, или оно не искусство. Искусство вообще есть искусство, то есть способность, умение сказать правду. Это очень трудно.

А драматургу и режиссеру особенно: им необходим актер-

АЛЕША БАТАЛОВ рос в актерской семье, буквально во дворе довоенного МХАТа в Камергерском. В эвакуации вместе с матерью, актрисой Ниной Ольшевской, уже работал в театре. Будущий «рабочий паренек» рано читал и писал стихи, рисовал, жил в литературно-художественной атмосфере, сам учился и начинал играть в одни годы со своими будущими товарищами и соперниками по искусству: О. Ефремовым, В. Тихоновым, И. Смоктуновским, В. Шукшиным, Р. Бы-

служил, заработал или сорвал, сподличал, ухватил б-а-альшую золотую рыбку в мутной (застойной) воде. Нет, русские интеллигенты не срывали и не подличали. И стыдились не только хоромы ставить, а и есть свой хлеб, когда рядом голодные и обиженные. Герои Абуладзе с грузинской страстью и жесткостью не покоряются подлости, русский интеллигент молчит и терпит, ему стыдно даже за палача, который вот-вот пустит ему пулю в затылок. А потом, когда приходит пора публично

милосердия, Баталов работает в обществе инвалидов, помогая увечным и убогим.

Баталов приучил себя хорошо знать то, что делает: физику, медицину, литературу. Он умеет разобрать автомобиль и перекрыть крышу. Когда Баталов снимал «Три толстяка» и играл любимца детей Тибула, он много месяцев учился у цирковых ходить по канату... Что это? Зачем? Есть же дублеры... Нет, эти странные русские интеллигенты предпочитают идти по проволоке сами.

И ВСЕ-ТАКИ МЫ ПОБЕДИЛИ

Рассказ об актере и его времени

чудовищнее всего потери человеческие, нравственные.

Но, может быть, народ все-таки не безмолвствовал? Помоему, мы все время совершаем ошибку, недооценивая накопившееся к началу пятидесятых годов народное недовольство. Сталин был далеко и высоко, как царь, а конкретная власть держала в кулаке и рабочего, и крестьянина, и интеллигента. Не берусь здесь судить о причинах экономических, хотя дисбаланс в экономике, видимо, уже и тогда достиг катастрофических параметров. Но то, что люди были зажаты и запуганы до предела, — несомненно. А они выиграли войну, перенесли страшные потери — страшно всех предыдущих, они освободили мир от фашизма, как о том кричал каждый лозунг, и они на миг возмечтали вернуться домой победителями и свободными людьми. Они всегда хотели быть свободными, ради этого совершалась революция.

Самое страшное, что сделала сталинщина, — это узурпация свободы. Человек не мог сам распорядиться собой. Только в рамках дозволенного. Но это — протиз человеческого натуры. И чем крепче цепь, тем сильнее желание сбросить ее.

И еще одно соображение: темного, неграмотного, подпольного искони мужика только через силу можно было держать в ярме, да и то... Человека, вкусившего образования и культуры, человека, самостоятельно мыслящего, можно упечь в каземат, и все равно личность останется свободной.

Офицеры, ученые, писатели, юристы, врачи, крестьяне и рабочие, в тюрьме и на воле, думали и видели: что-то не так. Мы, мальчишки, при всем комсомольском обожании божества, задавали все больше вопросов: почему? зачем?

ПРИХОДЯТ раздраженные письма: на Пастернака, на Платонова, на Замятину. На Абуладзе. Люди не понимают: о чем это, чего от них хотят? А мысль автора ясна, и все три фильма — о непокорстве. Вспомните подряд кадр за кадром и вы поймете: герои Абуладзе — люди, которые не покоряются. Ни тирану, ни отцу, ни обычно, ни даже мнению народа (села, общины).

Разум, приказ, страх — все говорит: нельзя, не смей, не положено. Но душа отвечает: «нет» и все. Не могу... Не злодей — душегуб — герой «Покаяния», не ему сострадает и не над ним плачет автор, его герои — непокорный художник, непокорная Кетт, которая выкапывает гроб, непокорный мальчик, который не вынес позора лжи. Какие они хрупкие, тонкие, совсем, кажется, слабые, «больно нежные», а ничего нельзя с ними сделать. Только убить. Непокорных только уить.

Авторы раздраженных писем не верят в таких героев. Они им неприятны и непонятны. Люди привыкли, что можно поступать и так и эдак. Какие там покаяния, все одним... мазаны.

Все правильно. У циника нет героя. Конформизм безудеделен.

Прошу прощения у Баталова (начал-то я с него), но мне хочется связать все вместе, подвести читателя к мысли, о которой он, видимо, и сам уже догадывается: борьба за человека, за свободу, за право жить по-человечески не сегодня началась, и в искусстве — не «Покаяния» — она шла всегда. И при малейшей возможности люди распрялись, как убитые снегом ростки от солнечного луча, и начинали все заново, точнее — с того момента, на котором остановились.

единомышленник, только через него, благодаря его таланту быть правдивым, подлинная правда придет к зрителю.

Для И. Хейфица, М. Донского, Г. Калатозова и М. Ромма Алексей Баталов оказался счастливой находкой. В пору, когда в обществе уже нарастала ирония против ходячих положительных героев, органика Баталова убеждала: положительный герой жив, порядочный и непокорный человек жив, самоотверженный и преданный идее гуманности человек жив. Припомните «Девять дней одного года»: Баталов так жил преданностью работе, упоением наукой, верностью учителям и идее, что легко заставлял зрителя верить и в его смертельный подвиг, — это было так же естественно, как Бороздину пойти добровольцем на фронт и погибнуть, как Румянцеву бороться за свое честное имя или как «обывателю» Гурову из «Дама с собачкой», полюбить, обрести в себе человека.

Впрочем, что я об этом? Сотни статей и книг написаны об искусстве А. Баталова, о каждой его роли, и читатели сами, я думаю, чуть возбудив память, с благодарностью вспомнят правдивость и обаяние каждого баталовского образа. Сегодня хочется обратить внимание на то, как «рабочий паренек» быстро и естественно от роли к роли вырастал в ученого-физика, в Гурова, в Федю Протасова, в доктора Устинкина (о нем, кстати, академик Чазов сказал, что никто лучше Баталова в кино не сыграл врача), в русского интеллигента. Тут Баталов несомненно, как говорится, нашел себя.

Каждый художник — это банк, где лежит золотой запас. Лишь собою, золотом своего таланта, своего мозга и сердца обеспечивает он свои творения.

Очень известный в московской художественной среде писатель-сатирик В. Ардов, человек умный, язвительный, оригинальный, был отчимом Баталова. В ту пору Ардов — ближайший друг Анны Ахматовой: приезжая в Москву, она много лет подряд жила у Ардовых. И всегда собирала вокруг себя, притягивала ту мыкавшую беду, никому не нужную в те времена «вредную» интеллигенцию, которую не любил Сталин и громил Жданов и иже с ними. Существует портрет Ахматовой, написанный Алексеем Баталовым. Паустовский и Булгаков, Немирович-Данченко и Книппер-Чехова — вот был мир, в котором рос «простой паренек».

Наверное, потому так и «обеспечены» золотом личности Баталова его герои. В своей умной и с блеском написанной книге «Судьба и ремесло» (к сожалению, автор слишком мало говорит там о себе) Баталов справедливо пишет: «Талант — это не просто умение «прикинуться», не только та невообразимая легкость, с которой человек может изобразить что-то или кого-то, но непременно еще и способность видеть, понимать, чувствовать окружающий мир как часть своей собственной жизни».

Русский интеллигент привык жить скромно, не жиреть, все делать по возможности своими руками, никого не обременяя своей персоной, гнаться за пищей духовной, предпочитая довольствоваться малым, но не опешая себя погоней за бараклом. Русский интеллигент всегда знал нормы и формы поведения порядочного человека. Русский интеллигент всегда делал всякое дело по совести. Не правда ли, как просто? По совести, на совесть. Вот и весь ОСТ. И ведь каждый из нас всегда знает про себя: по совести поступил или не по совести, за-

назвать гада по имени, он думает о детях этого палача, каково им будет жить с отцовским клеймом...

Среди «баталовского» списка есть еще «Москва слезам не верит». Смотрю. Выбираю кадры про Гошу, который так любим кинозрительницами: Гоша красивый, уверенный, все понимает с полуслова, ноги укутывает пледом, с хулиганами расправляется, как бог, смелый, гордый, не мужчина — сказка!.. «У меня практически нет недостатков», — и в шутку, и всерьез говорит он. Баталов играет легко, обаятельно, но есть некая подозрительная взвинченность, и я начинаю вспоминать тех, кто ругал картину и не верил в «такого» слесаря Гошу. Пожалуй, недостатком роли и было отсутствие у Гоши недостатков. Даже не недостаток, но в этом дело, а в позиции авторов, которые в 1979 году, как и многие вокруг, старались выдать желаемое за действительное. Работяги все больше злези, мрачнели, одни омещанивались, другие спивались, и конструировать «интересного» и «интеллигентного» рабочего было нелегко. Конечно, артисту, который давно не играл, больше всего хочется взять и сделать роль. И Баталов все, что у него накопилось к тому моменту, решил выплеснуть в Гошу. Так писатель, когда долго не пишет, выливает в какой-нибудь маленький рассказ бог знает что. Правда времени была другая, типичен был, к сожалению, совсем не Гоша, вот в чем дело. А кино слишком привязано к злобе дня.

В эти же годы Баталов с головой ушел в преподавательскую работу, в режиссуру, в дела общественные. Комитет защиты мира, Общество дружбы, Фонд мира и тому подобное. Много лет, задолго до нашей нынешней шумной вспышки

О ДНАЖДЫ в Америке, после какого-то спектакля, за кулисами я услышал, как актеры говорили о ком-то из своих коллег: «Да, хорошо играет, но по-русски». Я поинтересовался, что это значит. Мне объяснили: «Ну, как сказать? Слишком выкладывается. Не жалеет себя. Можно обойтись техникой».

Они вроде бы осуждали коллегу, а мне было приятно слышать: «по-русски» — значит с душой. Хотя если приглядеться, много ли осталось таких работников?

Я не думаю, что выйди сегодня на экран прежний Баталов, он завоюет молодую аудиторию. У них, к сожалению, вообще уже много лет нет героя. Время изменилось. Мы и не заметили, как романтика, на которой выросло наше поколение, давным-давно покинула нас, тихо затворив за собой дверь. Но кто скажет, что труд был напрасен? Герои Баталова учили и учат людей любить и беречь друг друга. Разве вопреки всему не побеждает в конце концов человеческое? Мы говорим: проклятый ХХ век, Сталин, Гитлер, Хиросима, «век-волкодав». Но вот он идет к концу, и разве не гуманистические, не общечеловеческие идеи побеждают, берут верх — в Германии, в Китае, в Америке, в СССР? Мы уже забываем, а ведь всего два-три года прошло, как исчезли из нашего обихода слова «абстрактный гуманизм», которыми прикрывали просто страх перед живым человеком и требованиями личности.

Хочется вздохнуть и сказать: и все-таки мы победили.

Мы не просто дожили, но мы по мере сил боролись за свою свободу. За свое право творить. И чертовски хочется что-то сделать по-новому, осуществить неосуществленное.

Хочу поздравить Алексея Баталова с его непокорством, с тем, что он всегда верен себе, с его превосходным «послужным списком». В Японии нет званий у артистов, нет регалий, но самые выдающиеся мастера, создавшие высокие роли, называются без всяких обиняков: «господин такой-то, народное достояние». По-моему, это подходит Алексею Баталову.

Мих. РОЦИН.